

ПОВЕСТЬ О КОРОЛЕВИЧЕ ВАЛТАСАРЕ

ПОВЕСТЬ О ВАЛЪТАСАРЕ КРАЛЕВИЧЕ, КАКО СЛУЖА НЕКОЕМУ ЦАРЮ

Бысть в некоей странѣ град великъ и славенъ зѣло. И в том градѣ бысть царь велми богат и славенъ зѣло, и много земель богатых имель у себя в покорении. И бѣ служба ему некоего краля сынъ, именемъ Валтасаръ, и собою велми прѣкрасен и разуменъ, что в державѣ его такового лѣпотою не обретеса. И любяше его царь велми за красоту лица его и за умную речъ, и учинил его пред собою стоять. И бѣ от всех чѣтимъ. Изволи его царь совокупити честному браку и избра царьства своего девицу, некоего вельможа дщерь, именемъ Фларента прѣкрасная. И по совокуплении кралевичь нача жити съ сожителницею своею велми любезно, что и людемъ житию их позавидети.

И по неколицех днех из некоего славнаго далнаго царства пришел к тому царю посол от царя своего о нѣкоих царских вещехъ. И увидѣ той посол кралевища того и велми подивися красотѣ лица его. И рекъ в себѣ: «Подобен се кралевичь царю нашему красотой лица своего». И нача во умѣ своемъ держати, чтобъ по возвращении в царство свое про красоту того кралевища царю своему возвѣстити.

Егда же пришед во свое государство, и в нѣкоторое время рече царю своему о кралевище: «Великий царю! Был я нынѣ от твоего царскаго величества в послѣх и видѣл того государства у царя из нѣкоего кралевства, служилъ ему кралевь сынъ, именемъ Валтасаръ кралевичь. И той кралевичь красотой лица своего подобенъ зѣло твоему величеству».

Слышавъ же се царь и повелѣ к царю тому готову быти нѣкоему вельможе своему посланому. По указу же цареву написаша к тому царю о кралевище листы¹ по царскому уставу. А в листѣх написаша о кралевище кроме царских титлѣ² сие: «Аще, царю, того титлѣ сие кралевища в наше государство не отпустишь, и мы изволяемъ твою землю всю под мечъ подклонити и твое величество жива полонити, и самого тя в тотъ чинъ предѣ нашимъ величествомъ учинити.

¹ грамоты; ² именованіе по сану, достоинству.

Аще ли же наше повелѣние сотвориши, то вѣчный миръ с нами восприимеши» — сей же царь и наипаки того царя сильнее и богатѣе.

Посоль же прииде в то царство и подаде листы от царя своего. Царь же той, принявъ листы, повелѣ вычестъ предъ собою. И услыша писанное о королевиче, рече послу тому со гнѣвомъ: «Иди ты к царю своему тощ¹ и скажи ему, чтобы онъ не труждался всеу и не мыслил, что королевичю бысть у него в царстве». И не даде ему королевича. Посоль же той *отъиде* от царства вотще.

По отшествии же посла царю своему рекоша думцы² ему: «Великий царю! Зачемъ ты королевича послу в царство не вручил и хочещи ради единого человека все царство свое погубити? Воистину, царю, впадеши в раскаяние, и никто тебѣ помощник будетъ. Тот царь сильнѣе и богатѣе твоего царства и может сотворити противъ послания своего». И сие мысливше на королевича нѣчто зло ради зависти, чтобы царя двигнути на гнѣвъ: «Воистину возвъщаем!» Слышав же той царь и размысли по глаголу их, и бысть в недоумѣнии. И паки прелагается на их совѣтъ, разгнѣвася на королевича, посылаетъ его бесчестна в то царство, гдѣ его желаютъ видѣти, и без сожителницы его.

Королевичъ же, сие слышавъ, вельми бысть печаленъ ни о чесом же, но токмо о разлучении с прекрасною сожителницею своею, плакася горко на многъ час с нею. Она же, взявъ ево и любезно поцеловавъ, рече ему лживымъ³ лицомъ, якоже последи укажетъ: «О господине мой драгий и честнѣйший! Не вижу я, бѣдница⁴, что заходитъ свѣтъ от очию моею! И се, господине мой, виждь хартию⁵ и чернилы, и разные вапы⁶». И даде ему трость⁷ в руцѣ ево и хартию, и рече ему: «Назнаменуй⁸, господине мой, своего прекраснаго лица образ на сей хартии по подобию красоты твоей, да яз поставлю его в ложницѣ⁹ своей в честнѣмъ мѣсте и стану на него зрѣти и тебе, сожителника своего драгаго, поминати. И, вспаметовавши твою премъногую ко мнѣ любовь, начну горко плакати и от горести сердца своего сей твой начертанный образъ начну любезно лобзати». Онъ же, яко безлобивъ, возьмъ хартию и трость, и вапы, и начерта образа своего подоболичие. И вдаде его, отъиде, печалуся велми и бия в перси своя.

Поиде в царство то с купцемъ. А купецъ поиде в то царство для торговли о товары. Королевичъ же в путном шествии велми печаленъ бѣ, поминая любовь сожителницы своя, и велми вкоренилась в сердце его печаль. Видѣвъ же его купецъ велми печална, рече ему: «Господине королевичъ! Вижу я, идеши ты к такому славному царю на честь велию, а велми печалишся. И аз о семъ впадаю в недоумѣние, зело скорблю. Повѣждь ми, что печаль твоя?» Королевичъ же залился слезами, от горести сердца возрыдавъ, едва рече ему. И сказа про печаль свою, что по дружинѣ¹⁰ своей оставшейся печалитца велми. Купецъ же, яко благодаразсмотрителенъ, рече ему: «О семъ не печалься! Узриши, что ти аз покажу.

¹ ни с чем; ² советники; ³ лживым; ⁴ несчастная; ⁵ пергамент; ⁶ краски; ⁷ палочка для письма; ⁸ изобрази; ⁹ спальне; ¹⁰ подруге.

Иди и возвратився в дома своя. А се ночное время приидемъ и видимъ женъ наших, что творять, отпустя государей своих в дальные страны».

Кралевиць же поиде с нимъ во градъ, а товарищевъ оставиша на страже ночнѣй. И приидоша во градъ прежде к полатъ купцовой, гдѣ мать его пребываетъ. И влѣзше к скважини, позрѣвше в полату и видѣша ю, молящуся Творцу своему о возвращении сына своего в домъ свой в добром здравии. Видѣвше же то они, купецъ о семъ радостенъ бысть, а кралевиць подивися и похвали. Пришедше же они к полатъ же, гдѣ купцева жена пребывает. И поглядѣвше скважнею в полату оконцемъ, и жена купцева тожде творить, что и свекровь ея. И купецъ о семъ зѣло возрадовася.

И паки купецъ взявъ кралевица и поведе его к полатъ, гдѣ пребываетъ кралевицева сожителница. И взявъ купецъ в руцѣ свои мечъ обоюдоостръ и рече ему: «Буди, господине кралевицю, на волю твою! А что увидишь, не оглашай. Аще ль тако сотворишь, и аз могу тя у окошка у скважни на углу мечемъ си заклати».

И прилѣзше к скважни, взглянувше же в полату, ажно у сожителницы в полатъ сидитъ на кровати любовникъ ея, котораго имѣла еще при немъ, кралевице. Образом же той любовникъ зѣло неискусенъ¹ и нимало не дошелъ до кралевица. И, сидя на ложницѣ², бияше ю по ланитома³ и ругается ей. Кралевиць же се видѣ, едва и держася на углу. И восхотѣ вскричати, но не возможе, что положена межъ ими заповѣдь⁴. И естъли бы у кралевица мечъ в руцѣ былъ, то бы могль самъ себя заклати от печали тоя.

Любовник же, сидя на кровати, внезапно увидѣ кралевицево начертание на хартии, рече ей: «Что се за листъ? Повежд ми скоро!» Она же рече ему в слезахъ: «Се начертание драгаго моего сожителника». Онъ же рыкнувъ на ню и повелѣ бити образ той по ланитома. Она же отрицашеся⁵ се сотворити, но не возможе, потому что велми нача ю принуждати. Плакавъ же, она нача персоню мужа своего по ланитома бити. По семъ нача с нею на ложницѣ опочивати и что имъ годѣ творити.

А кралевиць сие все видѣ с купцемъ тѣмъ. И поидоша оттолѣ, пошедше в... своя. И по обычаю поидоша в путь свой до царства. Купецъ о преждедеченномъ велми бысть радостенъ в путномъ томъ шествии, а кралевиць и наипаче бысть в печали. И с печали тое путем до царствия бысть лице его не якоже прежде, но ни в поль⁶ при прежнемъ.

Егда же пришедше в то царство, и возвѣстиша царю про приходъ кралевицев. И повелѣ царь кралевица поставити предъ себя. Пришедъ же кралевиць предъ царем. И увидѣ его царь в лице, помня хвалу про него посла своего, и велми ему не показася⁷. И възъярися же зѣло на того посла, которы ему про крале-

¹ недостойный; ² на постели; ³ по щекам; ⁴ запрет; ⁵ отказывалась; ⁶ в половину; ⁷ не понравился.

вича сказывалъ. Повелъ же кралеви́ча ввести в садъ свой. Садъ же той таковъ бѣ: кто иво, того овощу, от человекъ приметь в садъ, от болезни или и здравы, то велми прибавливалъ красоты в лицѣ и здравия тѣлу. И нача царь к кралеви́чу входити в садъ по вся дни и на него взирати, да ли прибудете в лицѣ его красоты ему. Кралеви́чъ, прибывая в саду, поминаючи сожителницы своей любовь, наипаче же беззаконие ея, нимало красоты в лицѣ его не прибуде.

По нѣколицехъ же днех нача кралеви́чъ от великия кручины своя по саду гуляти и на дѣресея взирати. И подъ некоимъ прекраснымъ древомъ узриль ложе царское и постеля, и возглавие, и одеяло. И помысли в себѣ, что царь опочиваетъ с царицею о полудни. И восхотѣ от нѣкоего помысла видѣти царя с царицею на ложе томъ, и взлѣзе на ино древо близъ того. Съдящу же ему на древе, бысть день о полудни. И видить кралеви́чъ: ползеть на коленахъ межъ древес к ложу нѣкакой поползень на деревяныхъ колодкахъ. Прииде же той поползень к ложу и колодки повергъ на землю, самъ же вынявъ ис-подъ возглавия одежду царскую и облечеса, и сѣде на ложе.

Времени же малу минувши, прииде к нему и царица царя того с тремя своими девками. Той же поползень нача царицу ругати и бити по ланитома. Бивши же приглашаетъ¹, чего ради замешкала к нему приитти. Она же рече ему: «Царь долго убирался, не ѣхалъ за охотою в поле». А той царь полевою охоту зѣло любилъ и непрестанно ездилъ. Поползень же той нача с царицею творити беззаконие. И паки разыдошася же. А кралеви́чъ сей сойде со древа и велми изумелся, рекъ в себѣ: «Воля Божия буди надо мною! Видь, каковъ сей царь славенъ и образомъ прекрасенъ, а жена ево такъ озорничаетъ, не токмо моя сожителница оставшаяся!»

И отверже всю свою печаль от сердца, бысть в три дни прекрасенъ и здоровъ паче прежняго. Царь же пришедъ видети его и велми подивися красотѣ его. Рече ему свѣтлообразно: «Повѣжд ми, человекче, чего еси ради, многое время бывъ в саду, не бысть красенъ и здоровъ, ныне же вижу тя в маломъ времени премѣнена в красоту». Кралеви́чъ же бысть призстрашенъ, возвѣсти ему подробно все про печаль свою. И паки рече ему: «Великий царю! Ест ли в семъ саду подъ древомъ твое царское ложе и когда ты на нем опочиваешь?» Царь же бысть яко во *изумлении*. Рече ему, что нетъ у него такого древа, чтобъ было подъ нимъ ложе, и никогда онъ в саду не опочивалъ. Кралеви́чъ же ему: «Царю, время ти итти в своя царская сокровища. Ко *мне* же ти приити подобаетъ симъ образомъ, то ти все покажу. Зберися ехать будѣто в полевою охоту и, оставя полевою охоту, прииди семо, то узриши желаемое».

Царь же сотвори тако, прииде к кралеви́чу обычаемъ темъ, яко же выше речеса, в садъ единъ и без ружей. Валтасаръ кралеви́чъ вземъ его за руку и поведе ко древу тому, гдѣ ложе царское, повелъ же ему лести на ино древо близъ

¹ приговаривает.

того. Взем же королевич в руцѣ свой мечь и полезе за ним же на древо. Рече же королевичъ: «Великий царю! Воля твоя со мною, рабомъ своимъ. А аще что ни увидишь, то со древа не оглашай, а после воля твоя и с ними. А буде изволишь огласить, то имам тя здѣ на дрѣвѣ мечемъ симъ главу твоя отъяти отъ тя». И съдоша оба на дрѣвѣ, царь вкупѣ и королевичъ.

И по малу времени о полудни ползеть к ложу тому вышереченны поползень, котораго видель прежде королевичъ. И прииде тот поползень к ложу и колодки свои по обычаю повергъ под ложе, а самъ вземъ ис-под возглавия одежду царскую, облечеса в ню и седе на кровати. И мало время преиде, прииде царица с тѣми же тремя девками. И поползень принявъ ю, нача ругати и беззаконие с нею по-прежнему творити.

Царь же, се видя, оцепенѣ весь и восхотѣ возгласити на них. А королевичъ хотѣ его мечемъ заклати, потому что не бояся его, не виде никого близ дрѣвеса и во всемъ садѣ. Цесарева же, натѣшивъшись, с поползнемъ разыдошася. И послѣ их царь с королевичемъ соиде со древа и назва королевича за такую ево любовь братомъ себѣ. И прииде в домъ свой, и велѣ того поползения сыскати. И, сыскавъ его, з женою своею повелѣ повѣсити их на ворота. И розстреля их самъ с королевичемъ, а тѣло их повелѣ псомъ на ѣдѣние повергнути.

И поживъ после жены своея с королевичемъ нѣлико лѣтъ. И в нѣкоторое время рече царь королевичю: «Брате мой, Вальтасаре королевичю! Послушай моего добраго совету, что яз тебѣ изреку. Виждь, что наши сожителницы, с нами в любви живучи, чинили. И ныне, брате, возьмемъ мы моего царства нѣкую прекрасную из женъ и станемъ с нею жить вмѣсте аки с сожителницею. А посадимъ ея в высокую стрелню¹ и приставимъ старуху крепкую. А двери, для вѣрности межъ себя, станемъ печатми своими печатать. А ради любве, чтобъ межъ нами не было какие вражды, потому что сие дѣло зѣло мнительно, положимъ межъ себя заповѣдь велию, а ей тое заповѣди не объявимъ». Королевичъ же рече ему: «Господине, советъ твой благъ. Но восвѣсти ми, что к сему дѣлу заповѣдь ради вражды?» Царь же рече ему: «Сице, брате, заповѣдь: пришед к ней в стрелню оба и положим ея на ложе, а сами ляжемъ по обѣмъ сторонама ея, единъ о десную², а вторы о шую³ сторону ю. И кий из нас похочет с нею пребывати, той втораго ногою своею потрогай. И котораго тронетъ, той в тоя поры лежи ничъ на ложи, не трогася, а той с нею пребуди».

И похвали королевичъ разумъ царевъ, и сотвориша тако по совѣту своему. И живше с тою любовницею многое время по той заповѣди безложно. Любовница же их по нѣкоему случаю выведав их совѣтъ, паки и заповѣдь. И в нѣкое время поглядѣвъ из стрѣльни в оконце и увиде на земли нѣкоего отрока, и разгорѣвся к нему любовию похоти. Спусти в оконце холстъ и подыме его тѣмъ холстомъ от земли в оконце, пребывъ с нимъ на ложи.

¹ башню городского укрепления; ² правую; ³ левую.

По времени же придоша к ней царь и кралевиць по обычаю своему. Любовница же их, яко лукава зѣло, услыша приходъ их к себѣ, сохрани отрока того от них в сундукъ свой. Царь же и кралевиць пришед и по обычаю своему легше с нею на ложи. И она бѣ лукава зѣло и злохитра, тронула их по заповѣди ихъ своима ногама обѣих вдругъ. Они же легше оба ничь на ложи и держаша во умѣ своемъ другъ на друга, потому что живѣ они многое время межъ собою зѣло любовно и безложно. А в тоя поры тотъ ея любовник вышед из сундука и ляже меж ими, и пребывѣ с нею. И паки тѣмъ обычаемъ любовница много время с ними живѣ.

Царь же и кралевиць друг на друга во умѣ своемъ сѣтоваху, а некоторые выговорить не смѣеть. И по нѣкому времени рече царь кралевицю яростно зѣло: «Брате мой! Повѣждь ми, чесо ради ты како творишь напротивъ нашея заповѣди?» Кралевиць же рече ему: «Повѣждь ми, господине мой, что твоя мысль?» Царь же рече ему: «Для чего ты с сожителницею нашею пребываешь един сия поры?» Кралевиць же, выслушав рѣчи ево, рече ему: «Господине мой! Я тебѣ сии рѣчи говорити не обрѣтал времени, потому что и я с тое жѣ поры никакo не причащя ей. А все чаял, что ты единъ с нею пребываешь. И мнѣ много смотрил для вѣрности иного пришельца к нему у полаты и печати свое, и печати обѣ никакo нерушимы пребыша».

Царь же, услышавъ у него сии рѣчи, укротився от гнѣвъ своего. Взем кралевица за руку, поидоша к стрѣльни и начаша по стрѣльне искати вшедшаго к ней. И много время искаше, и обрѣтше в сундуке отрока юна зѣло и прекрасна. Выняша его из сундука и спросиша, како вниде в стрѣльню. Онъ же все сказа имъ подѣробну про наложницу их. Они же, восприимше от него такие рѣчи, взявше его и наложницу, повѣсиша на вратѣх и разстрѣлявше обѣих. А сами велми сѣтоваху ни о чесом же, но токмо о безчастии своемъ и о беззаконии и о лукавствѣ женъ своих.

И в нѣкое время рече царь кралевицю в великой печали своей: «Брате мой, брате мой и господине! Виждь своего, паки и моего лицъ зракъ доброты и велие наше несчастье! И виждь, како прежнии наши законные сожителницы с нами лестно и лукаво жили, паки и ся наша общая наложница, сатанина угодница. О, злое острое дияволе оружие! О, зло всего злее злая жена! Поистиннѣ рече Иоаннъ своими Златыми усты: „Лутче железо варити, нежели злую жену учить“. Паки рече: „Лутче жити в земли пусть, нежели жити з женою злозязычною и пронырливою”.* И ныне, брате, отвержемъ от сердца всю печаль свою и пойдём по далнымъ странамъ стыда ради здѣшних жителей». Кралевиць же рече: «Буди, господине, на волю твою, якоже хочещи. Аз радъ твоего добронравнаго глагола во всемъ слушати».

И поидоша по далнымъ странамъ и по пустымъ местам. И ходивше много дней, яко близ и годишнаго времени. И в нѣкоей странѣ найдоша на лугу зѣло предобръ шатер велми прекрасенъ, маковица у того шатра красна и золота, и

велми той шатеръ ухищренъ всякими ухищренми. И не дошедъ они до того шатра, подумавше промеж себя много, что мочно итти в той шатер, и стояху на многъ час. И паки положиша упование на Господа Бога, поидоша вкупъ к шатру. Пришедше же в шатер той зъло дерзостно и опасно, чаяху нъкогого рыцаря и сиръчь богатыря. И паки в шатрѣ никого не обрѣтоша. И начаша прилѣжно искати на лугу около шатра. И искавше много, яко вдолѣе и поприща от шатра того, и ничтоже обрѣтоша. И бысть в себѣ яко ужасны зъло. Нашедше же на том лугу нъкую стезицу¹ малу, яко в полупоприща от шатра того, и поидоша по ней к шатру. И увидѣша близ тое стези рѣчку. Пришедше к ней по стези той и приидоша в близость того шатра. Увидѣша близ стези тое и реки, и шатра древо нъкое, велми прекрасно при иныхъ древесехъ и высоко необычно. Влѣзше на него и начаша ждати, да ли кто по стези той к шатру приидет.

По малу времени зрять они, ажно бѣжить тою стезею левъ звѣрь, велми пристрашен. Изо устѣхъ у него пламя, а из ушей дымъ чернъ. И во устѣхъ несеть, яко видимо имѣ от древа, кольцо золотое, аки от солнечнаго блистанія лучи испущает от кольца того.

Прииде же тот левъ в шатер и удари тое кольцо переднею своею ногою. И выйде ис того кольца пречюдная и прекрасная жена. А левъ превратися во образъ прекраснаго воина во образѣ нъкогого царя пречюдна и нача с нею в том шатре любезно опочивати. А царь и кралевичъ все то со древа видѣвше и дивишася, но такмо бысть ужасны, да никоимъ обыкновениемъ их увидить и поясть.

Опочивавше же той царь, мнимый лев, с тою изшедшею ис кольца золатаго женою на многъ час. И посла ю той царь со золатым кубцом для почерпствія воды. Она же, пришедше к рекѣ близ того древа, на немже вседыше царь и кралевичъ, нача тѣмъ кубцом воду черпати. И увиде же вкупъ два зрака человеческого образа, и бысть во ужасѣ, мня, яко привидение нъкое от сатаны. И ту воду ис купка вылив, паки почерпе с молитвою. И видѣт то же, что и в прежнем купцѣ, и наикраснѣе образы те и прежних образов. И дивися в себѣ велми, нача озиратися сѣмо и овамо². И напрасно³ взглянув на то древо, увидѣ царя и кралевича близъ. И рада бысть к растлѣнию грѣха с ними, потому что они зъло прекрасни ей показалися. А той царь, мнимый левъ, в тоя пору в шатрѣ опочивал..., ожидая ю с водою к себѣ.

Она же, их увидѣв, нача со древа звати, обѣщевая имѣ вмѣсто смерти животъ, едва со древа к ней снидут...

¹ тропинку; ² сюда и туда; ³ внезапно.